

К обоснованию гуманистической теории сложности общества

С.А. Кравченко

В статье рассматриваются проблемы вступления человечества в сложный социум, сущностной чертой которого является становление, происходящее нелинейно, с сопутствующими рисками, травмами, разрывами, парадоксами. Автор утверждает, что адекватная интерпретация этих процессов делает необходимым гуманистический поворот в социологии. Соответственно междисциплинарная гуманистическая теория сложности, которая сама находится на этапе становления, способна обосновать подходы к осуществлению гуманистически ориентированной модернизации российского общества.

Век XXI ознаменовался ускорением, а главное – усложнением социокультурной динамики, что связано с появлением принципиально новых вызовов глобального характера. Чтобы поспевать адекватно анализировать «убегающий» сложный мир (Э. Гидденс), пришлось не улучшать и подправлять существующий инструментарий, а создавать качественно иные парадигмы, основанные не на интеграции собственно социологических теорий, а на синтезе социологических подходов с другими науками. Так возникли повороты в социологии, предполагающие, строго говоря, междисциплинарные подходы. Среди них: лингвистический поворот (Л. Витгенштейн, М. Хайдеггер, М. Фуко, П. Бурдьё); рискологический (У. Бек, Э. Гидденс, Н. Луман); материалистический (Б. Латур, Д. Пелс, К. Хезерингтон, Ф. Вандерберге); культурный (Дж. Александер). За последнее десятилетие известный английский социолог Дж. Урри предложил целых три новых поворота в социологии – сложности, мобильности и ресурсный повороты. Свой взгляд на их триединство социолог обосновал в докладе на пленарной сессии X Конгресса Европейской социологической ассоциации (Швейцария, Женева, 2011), а также в новой книге – «Климатическое изменение и общество», которая была презентована автором на этом форуме¹.

Вместе с тем, на наш взгляд, все три поворота, предназначенные для более углубленного понимания и исследования сложных реалий, ратуют за интеграцию естественных и социальных наук, оставляя в стороне науки гуманитарные. Мы же принципиально исходим из того, что для анализа сложного социума необходим синтез естественно-научного, социального и гуманитарного знания, результатом которого явилась бы парадигма сложности, имеющая социологический стержень. Такая интеграция позволила бы, с одной стороны, максимально учесть сложности социокультурной динамики, всевозможные парадоксы, дисперсии и турбулентности социума, развивающегося в единстве с природой, а с другой – осуществить поиск и утверждение новых форм гуманизма, включая гуманистическую направленность любых научных исследований, что становится этическим императивом в космополитизирующемся сетевом сообществе народов.

Рассмотрим наиболее характерные параметры сложного социума через призму социологической диагностики, предполагающей взаимодействие различных отраслей научного знания. «Диагностика», «диагноз» становятся междисциплинарными понятиями², – отмечает академик М.К. Горшков.

Важным атрибутом сложности социума является его самоорганизация и рефлексивность. Ныне, как считает российский академик В.С. Степин, утверждаются саморегулирующиеся системы, каче-

ства которых не сводится к свойствам их частей³. При этом части систем все более и более выходят из-под структурных ограничений, которые ранее достаточно жестко определяли их функциональные возможности. Они обретают принципиально новое функциональное свойство – агентство, понимаемое как способность к рефлексивности социальных акторов⁴. Это качественно усложняет процесс развития и трансформации социума за счет включения в него как интенциональных, так и ненамеренных последствий, что, естественно, усложняет уязвимость жизнедеятельности индивидов.

Социум развивался всегда, но сегодня мы имеем дело с усложняющимся становлением. По оценке президента (2002–2006) Всемирной социологической ассоциации П. Штомпке, которым была предложена теория социального становления, нацеленная на анализ «общества в действии»⁵, ныне нормой является становление социума, которое происходит в контексте сопутствующих социальных и культурных травм. Травмы, по существу, являются атрибутами становления, «определенной патологии агентства», переживаемого социальной группой или обществом в результате «деструктивного воздействия на социальное тело непредвиденных, отчасти неопределяемых, имеющих непредсказуемый финал процессов»⁶.

Жизнедеятельность в условиях сложного социума востребовала социальный порядок иного качества. «Сложность, – замечает Дж. Урри, – утверждает “научные” основания неопределенности, но, тем не менее, она необычным образом организована... нет простого роста беспорядка... Например, турбулентные потоки воды и воздуха, кажущиеся хаотичными, являются высоко организованными»⁷. «Порядок и хаос – продолжает он, выражают определенное состояние баланса, в котором компоненты ни полностью замкнуты в конкретном месте, ни полностью исчезли в анархии»⁸.

Это принципиально новый взгляд на природу социального порядка, факторы его ныне образующие. Согласно воззрениям классика социологии Т. Парсонса, чья теория порядка функционирования социальных систем считалась эталоном, иерархия ценностей и норм, пронизывающая все уровни общества, задействует механизмы, которые в случае тех или иных девиаций достаточно эффективно восстанавливают социальное равновесие⁹. Ныне ситуация меняется: по мере усложнения социума «усилия по восстановлению социального порядка почти всегда порождают дальнейшие непредвиденные последствия, – отмечает Урри. – Они часто такого характера, что отодвигают общество дальше от упорядоченного равновесия»¹⁰.

По нашему убеждению, минимизировать травмы, турбулентности и т.д. можно и нужно не большим управленческим воздействием, а относительно маленьким, но системным эффектом в виде нахождения оптимального соотношения между организацией и рефлексией, самоорганизацией. Точечное воздействие гораздо более эффективно, чем простое суммарное сложение инициатив. В

сложном социуме порядок обеспечивается относительно малыми усилиями профессиональных акторов и за счет общей гуманизации человеческих отношений, увеличения креативного и интеллектуального человеческого капитала.

Сложный социум – это и новые скорости социальных изменений. Не только сокращается социальная дистанция и время для людей, проживающих в различных регионах мира, но мы подошли к порогу собственно человеческих возможностей рефлексии быстротечных событий, чтобы принимать по ним адекватные, рациональные, а главное – решения с гуманными целями и средствами; постоянно увеличивается доля короткоживущего социума и уменьшается доля долгоживущего. Это касается времени адекватного функционирования институциональных структур, жизни референтов, включая идеалы, ценности, авторитеты, знание, которое считается научным; всегда люди одного поколения жили в одно историческое время. Сегодня мы сталкиваемся с эффектом временного дисхроноза: в одном обществе сосуществуют люди, фактически живущие в разных темпомирах. Если определенная часть общества не справляется с увеличивающейся скоростью перемен, если не успевает рефлексировать относительно ненамеренных последствий изменений, то могут возникать принципиально новые социальные катаклизмы.

Сложный социум предполагает «переоткрытие» времени. Данный термин предложил И. Пригожин для обоснования синергетической модели времени, что предполагает презумпцию необратимости времени, соответственно отказ, с одной стороны, от «объективности» социальных законов. Переоткрытие времени также связано с выявлением его нравственной и этической составляющей: время – это некоторая конструкция и, следовательно, несет некую «этическую ответственность»¹¹. Кроме того, переоткрытие времени предполагает отказ от простого линейного движения от прошлого к настоящему и будущему, замена его сложными нелинейными взаимодействиями¹². Существенный вклад в переоткрытие времени внес М. Кастельс. По его мнению, процесс усложнения времени имеет глоболокальный характер, а развитие от капитализма к информационному, сетевому обществу способствовало плюрализации его сущности. «Все время в природе, как и в обществе, специфично для данного контекста, т.е. время локально, – пишет он. – ...Свобода капитала от времени и избавление культуры от часов определяющим образом ускорены новыми технологиями и встроены в структуру сетевого общества». Ныне возникает «вневременное время», доминирующее в сетевом обществе и создающее возможности для реалий «избавления от контекстов своего существования»¹³.

Виртуальная реальность – важная составляющая сложного социума. В нашу жизнь пришли симуляции и симулякры, что предполагает знаковый, кодированный способ отображения реалий и событийности посредством символической формы. Сложность виртуальной реальности проявляется в том, что стираются различия между реальным и

воображаемым. Специально проблематику симулякра и более широко – симулирования реальности – исследовал Ж. Бодрийяр, показавший, что ее проявления ведут к таким сложностям, как «конец социального». По его определению, симулякры – символические знаки или образы, отрываются по смыслу от конкретных объектов, явлений, событий, к которым они изначально относились, и тем самым выступающие как подделки, уродливые мутанты, фальсифицированные копии, не соответствующие оригиналу. Современные люди, считает он, все более имеют дело с воображаемыми представлениями о реальности, с гиперреальностью, трактуемой как «симуляции чего-либо». Как считает Бодрийяр, практически исчезают референты реальности и истины, их заменяют симулякры¹⁴. В итоге разрушается и отрицает связь между символами и реальностью.

В сложном социуме возникают гибриды социального и физического. Природа перестает быть просто средой жизни человека, превращаясь в органическую часть социума, рефлексирующего вместе с ним. «Глобальное, – отмечает Дж. Урри, – несомненно, характеризуется эмерджентной и необратимой сложностью, процессами, которые одновременно являются социальными и естественными»¹⁵. Если прежде сочетание несочетаемого выражалось в мифах о кентаврах, включавших в себя несочетаемое живое, то ныне возникли вполне реальные гибриды живого и неживого, физических и социальных отношений, которые ныне получают повсеместное распространение в среде и новейших технологиях.

Отмеченные нами качественно новые характеристики сложных социальных реалий, взятые в совокупности, позволяют сделать следующий вывод: мир вступил в сложный социум. В России соответственно формируется сложное общество, параметры которого необратимы. Россиянам еще предстоит создать и организовать гуманные формы жизнедеятельности в этом обществе.

Для анализа сложного социума необходим синтез естественно-научного, социального и гуманитарного знания, результатом которого явилась бы междисциплинарная гуманистическая теория сложности, имеющая социологический стержень. Такая интеграция позволила бы, с одной стороны, максимально учесть сложности социокультурной динамики, всевозможные парадоксы, дисперсии и турбулентности социума, развивающегося в единстве с природой, а с другой – осуществить поиск и утверждение новых форм гуманизма, включая гуманистическую направленность любых научных исследований, что становится этическим императивом в космополитизирующемся сообществе народов.

Наша отправная посылка в этом вопросе состоит в том, что гуманитарная теория сложности должна в принципе основываться на адекватном типе социологического мышления. В этом контексте представляется особенно плодотворной концепция синергетического мышления, которую разрабатывает российский социолог В.Л. Романов.

На наш взгляд, ее преимущество по сравнению с остальными в том, что она стремится дать инструмент интерпретации именно многогранности процесса усложняющейся динамики социума. Залог тому – она основывается на интеграция социологии с естественными науками, в частности с социосинергетикой¹⁶. Однако, на наш взгляд, полностью принять синергетическое мышление проблематично. Дело в том, что оно, делая акценты на динамике социума, многообразии его количественных и качественных характеристик, что, несомненно, важно само по себе, тем не менее недостаточно учитывает гуманистическую проблематику. Поэтому, не отрицая и не умаляя синергетическое мышление вообще, а также другие предлагаемые типы мышления, выработанные мировой социологической мыслью на наш взгляд, необходимо движение к нелинейно-гуманистическому мышлению, учитывающему не только парадоксальные разрывы и синтезы в общественном развитии, их синергию и риски, но и ставящего во главу жизнедеятельности человека поиск новых форм гуманизма, ориентированных на его экзистенциальные потребности.

В самом общем приближении этот тип социологического мышления можно определить следующим образом. Это мышление, исходящее из ускорения и усложнения социокультурной динамики, взаимозависимой целостности человечества, синергично учитывает парадоксальные синтезы и разрывы рисковенного, дисперсионного социума, его объективные, субъективно сконструированные и виртуальные реалии, ставит во главу исследования жизнедеятельности человека поиск новых форм гуманизма, ориентированных на его экзистенциальные потребности. Движение к нелинейно-гуманистическому мышлению не осуществится спонтанно, без активных целенаправленных усилий со стороны самих обществоведов. Принцип *laissez faire* здесь просто не сработает, необходим активно действующий социологический актор.

Нелинейно-гуманистическое мышление особенно востребовано для управления «нормальными авариями». Американский социолог Ч. Перроу метафорически назвал новые социальные уязвимости «нормальными авариями», под которыми им понимаются несчастные случаи и катастрофы, вызванные не грубыми просчетами человека, а обусловлены его естественным взаимодействием со сложными техническими и технологическими системами, периодически дающими «нормальные» сбои: «серьезные инциденты неизбежны даже при наилучшем менеджменте и полном внимании к безопасности»¹⁷. Суть их сложности еще и в том, что они могут произойти в виде «вдруг-событий» (Ж. Деррида), а могут и вовсе не произойти. Можно «зря» потратить огромные людские и материальные ресурсы на предотвращение или хотя бы минимизацию новых уязвимостей, в то время как отнюдь не решены традиционные – локальные – уязвимости в виде весьма актуальных проблем увеличивающегося социального неравенства, бедности, обороноспособности, девиации, преступности и т.д.

В новой книге «Следующая катастрофа: наши уязвимости в контексте природных, промышленных и террористических бедствий» Ч. Перроу показывает, что социальная уязвимость продолжает становиться и усложняться, в частности утверждая, что «концентрации опасных материалов, населения и экономической мощи в нашей критической инфраструктуре делает нас более уязвимыми для природных, промышленных/технологических бедствий и террористических атак»¹⁸. При этом им выделяются три основных источника уязвимостей: концентрации энергии (взрывных и токсичных веществ), концентрации населения в зонах риска и концентрации экономической и политической власти¹⁹. Особое беспокойство ученого вызывает рост населения в экологически и технологически опасных зонах, число которых увеличивается. В них одновременно осуществляется промышленная добыча природных ископаемых и интенсифицируется развитие земледелия, рыбных хозяйств, создаются культурные объекты. При этом значительная часть населения живет в домах, не соответствующих необходимым стандартам для опасных территорий, не имеет возможности самостоятельно эвакуироваться в случае бедствия и часто не обладает информацией о потенциальных рисках.

Подчеркнем, социолог ведет речь о потенциально возможной «системной катастрофе», а не об авариях, вызванных индивидуальной человеческой ошибкой: «Теория нормальной аварии исходит из того, – утверждает Перроу, – что, если бы мы имели системы с катастрофическим потенциалом, которые могли бы дать сбой в силу их сложности и плотной связности друг с другом, при том, что каждый индивид выполнял свои роли настолько безопасно, насколько это вообще доступно человеку, то от таких систем следовало бы отказаться. Катастрофы стали бы реже, если не неизбежны, нам не следует рисковать»²⁰.

С одной стороны, нормальные аварии потенциально представляются собой побочную дисфункциональность сложных систем. Но с другой – они являются продуктом опосредованной, рискогенной деятельности людей, которую в принципе можно было бы избежать, а также результатом доминирования стереотипов и традиционных взглядов на новые проблемы социально-экономического становления. Так, ошибочно считается, что концентрации «реалий, делающих нас наиболее уязвимыми», являются «неизбежными или их вовсе не замечают, сосредоточивая внимание на самих бедствиях, минимизации ущерба или предотвращения катастроф... Более того, мы имеем “паническую” модель поведения, которая ошибочно лимитирует информацию, что в свою очередь порождает скептицизм со стороны общественности»²¹.

Нельзя сказать, что «старые» и новые уязвимости вовсе не связаны друг с другом. Напротив, некоторые новые уязвимости, считает Перроу, своими корнями уходят в традиционное социальное неравенство, усиливающееся «в силу изменений в распределении доходов»²².

Минимизацию проблем уязвимостей ученый видит в разработке новых подходов к управлению становящимися сложными системами. Среди мер – рассредоточение концентраций энергии, населения в зонах риска, а также экономической и политической власти; координация и кооперация служб, занимающихся проблемами безопасности. Воплощение в жизнь идей управляемой открытости с целью предотвращения террористических угроз, имея в виду «закрытие всех дыр в нашем открытом обществе»²³. Весьма важным Перроу считает меры по предотвращению банальных «исполнительских аварий», причина которых видится в том, что «люди не всегда делают то, что они, предполагается, должны делать... в сознании высших исполнителей присутствуют другие интересы, и их интересам могла бы угрожать эффективная культура безопасности»²⁴. Однако в принципе устранить нормальные аварии и уязвимости, являющиеся атрибутами сложного социума, невозможно, но их можно и нужно минимизировать: «Мы не в безопасности. И никогда мы не можем быть полностью в безопасности, ибо природа, организации и террористы предвещают, что у нас будут бедствия. Давайте минимизируем их последствия посредством минимизации размера наших уязвимых целей»²⁵. Прямо скажем, не очень «радужное», еще одно обоснование «конца определенности»²⁶. Но очевидно, нет простых решений сложных проблем, как в принципе нет «законов», гарантирующих всеобщее процветание человечества. Вместе с тем вполне можно начать движение в направлении гуманизации сложного общества, что могло бы стать стратегическим ориентиром развития нашей страны.

Kravchenko S.A. To Justifying of the Humanistic Theory of Complexity of Society.

Summary: In article problems of the introduction of mankind in the difficult society which intrinsic line is the formation which is occurring not linearly, with accompanying risks, traumas, gaps, paradoxes are considered. The author claims that adequate interpretation of these processes does necessary humanistic turn in sociology. Respectively, the interdisciplinary humanistic theory of complexity which itself is at a formation stage, is capable to prove approaches to implementation of humanistically focused modernization of the Russian society.

Ключевые слова

Сложное общество, становление, рефлексивность, неопределенность, гуманистический поворот.

Keywords

Complex society, becoming, reflexivity, neodeterminism, humanistic turn.

Примечания

1. См.: Urry, John. *Climate Change and Society*. Cambridge: Polity Press, 2011.
2. Горшков М.К. *Российское общество как оно есть*. М.: Новый хронограф, 2011. С. 10.
3. См.: Степин В.С. *О философских основаниях синергетики*. Синергетика: будущее мира и России. М.: Издательство ЛКИ, 2008.
4. См.: Бурдые П. *Социальное пространство: поля и практики*. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007; Гидденс Э. *Устроение общества: Очерк теории структуризации*. М.: Академический проект, 2003.
5. См.: Sztompka, P. *Society in Action: A Theory of Social Becoming*. Cambridge, 1991.
6. Штомпка П. Социальное изменение как травма // Социс, 2001. № 1. С. 6.
7. Urry, John. *Global Complexity*. Cambridge: Polity Press, 2003. P. 19, 21.
8. Urry, John. *Global Complexity*. P. 22.
9. См.: Парсонс Т. *О социальных системах*. М.: Академический Проект, 2002.
10. Urry, John. *Global Complexity*. P. 105.
11. См.: Пригожин И. *Переоткрытие времени* // Вопросы философии. 1989. № 8; Он же. *От существующего к возникающему. Время и сложность в физических науках*. М.: 2006.
12. См.: Князева Е.Н., Курдюмов С.П. *Синергетика: Нелинейность времени и ландшафты коэволюции*. М.: КомКнига. 2007.
13. Castells, Manuel. *The Rise of the Network Society*. Second edition. Oxford: Wiley-Blackwell, 2010. Pp. XXXIX – XLIII.
14. См.: Бодрийяр Ж. *Прозрачность зла или конец социального*. М., 2000; Он же. *К критике политической экономии знака*. М., 2003; Он же. *Общество потребления. Его мифы и структуры*. М., 2006; Baudrillard J. *Simulations*. New York, 1983; Baudrillard J. *Fatal Strategies*. New York, 1990.
15. Urry, John. *Global Complexity*. P. 13.
16. См.: Синергетика: будущее мира и России / под ред. Г.Г. Малинецкого. М.: Издательство ЛКИ, 2008; Будущее России в зеркале синергетики. М.: КомКнига/URSS, 2006; Князева Е.Н., Курдюмов С.П. *Основания синергетики*. - М.: КомКнига/URSS, 2005; История и синергетика: методология исследования / ред. С.Ю. Малков и А.В. Коротаев. М.: КомКнига/URSS, 2005; Капица С.П., Курдюмов С.П., Малинецкий Г.Г. *Синергетика и прогнозы будущего*. М.: УРСС, 2003 и др.
17. См.: Perrow, Ch. *Normal Accidents: Living with High Risk Technologies*. New Brunswick, NJ: Rutgers University Press, 1999.
18. Perrow, Ch. *The Next Catastrophe: Reducing our Vulnerabilities to Natural, Industrial, and Terrorist Disasters*. Princeton University Press, 2011. P. vii.
19. См.: Perrow Ch. *The Next Catastrophe...* P. 6-7.
20. Perrow Ch. *The Next Catastrophe...* P. xxii.
21. Perrow Ch. *The Next Catastrophe...* P. 4-5.
22. Perrow Ch. *The Next Catastrophe...* P. 31.
23. Perrow Ch. *The Next Catastrophe...* P. 127.
24. Perrow Ch. *The Next Catastrophe...* P. 292, 293.
25. Perrow Ch. *The Next Catastrophe...* P. 325.
26. Prigogine I. *The End of Certainty*. New York: Free Press, 1997.